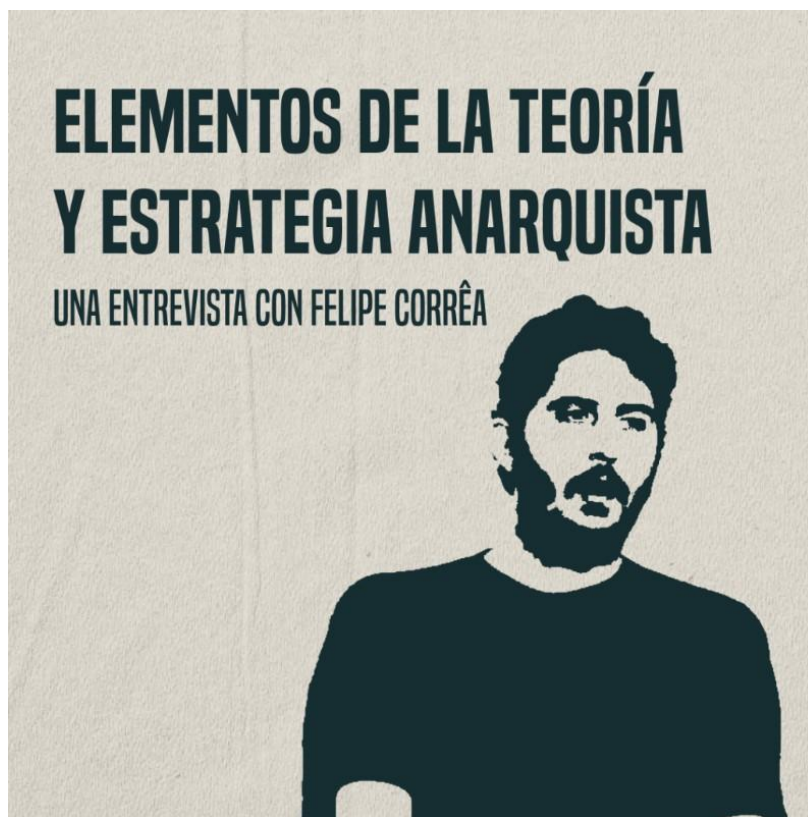

Элементы Анархистской Теории и Стратегии: Интервью с Филиппе Корреа

Филиппе Корреа

Март 2022.

Оглавление

Заметка Майи Уолмсли	3
1. Краткая история эспецифизма и его содержание	6
2. Различия между теорией и идеологией	9
3. Об определении власти.	12
4. О заимствованиях в анархизме	17
5. Уровни социальной силы. Каковая роль анархистов в организации власти угнетенных классов?	20
6. Социальный класс	30

Заметка Майи Уолмсли¹

¹ Испанская версия в двух частях: 1) <https://regeneracionlibertaria.org/2024/10/26/elementos-de-la-teoria-y-estrategia-anarquista-una-entrevista-con-felipe-correa-parte-1/#3c6ca3f6-6a6b-4c5d-beab-048b686f2ce6>

2) <https://regeneracionlibertaria.org/2024/11/12/elementos-de-la-teoria-y-estrategia-anarquista-una-entrevista-con-felipe-correa-parte-2/>

Постоянное возрождение организованного анархизма в англоязычном мире (а теперь и в Европе) привело к новому интересу к фундаментальным стратегическим вопросам анархизма. Как должна быть построена революционная организация? Как революционная организация должна бороться за изменения? Какую роль играет революционная организация в революционном процессе? При рассмотрении этих вопросов самые новаторские современные идеи, несомненно, исходили от анархистского движения в Латинской Америке, где традиция организованного анархизма классовой борьбы росла и успешно боролась, в то время как в англоязычном мире она пребывала в длительном упадке.

Несмотря на свое влияние, многие идеи и история, которые легли в основу этого движения, в значительной степени недоступны англоязычной аудитории. Взрывным введением этой традиции, называемой Эспецифизмом, в англоязычный мир стало обширное введение в ключевые элементы этого направления, написанное Адамом Уивером в 2006 году², за которым последовал полный перевод доклада Федерации Анархистов Рио-де-Жанейро (Federação Anarquista do Rio de Janeiro – FARJ), в которой были обобщены многие теоретические выводы движения в регионе³. Однако Эспецифизм не был принят единодушно в Латинской Америке, и между организациями продолжают дебаты о его точном значении и способах его реализации.

Возможно, самой важной книгой, переведенной после указанной выше, был перевод книги Анхеля Каппеллетти «Анархизм в Латинской Америке»⁴ в 2018 году, которая не только сама по себе была потрясающей историей анархистского движения в Латинской Америке, но и стала основополагающим текстом для возникновения Эспецифизма. Однако для этого интервью важно отметить, что в последние годы Энрике Герреро-Лопес перевел несколько ключевых выступлений Фелипе Корреа с целью разъяснить и развить работу, представленную в «Социальном Анархизме и Организации». Как активист и теоретик Анархистской Организации «Либертарный социализм» / Бразильской Анархистской Координации (OASL/CAB) в Сан-Паулу, эти переводы дают представление о стратегической дискуссии и консенсусе, который складывается в латиноамериканском анархизме.

С целью прояснить и распространить дискуссии о латиноамериканском анархизме в англоязычном мире, в начале 2022 года я связался с Фелипе Корреа и задал ему вопросы, которые несколько товарищей задавали во время групповых чтений и неформальных дискуссий об этом течении, вопросы, на которые нельзя было легко ответить, опираясь на имеющиеся у нас тексты. Его обширные ответы на мои вопросы, которые варьируются от понятия власти и роли организаций до взаимосвязи между анархизмом и классовой политикой, дают ценное и уникальное представление об этом важном направлении.

Я благодарен товарищу Фелипе Корреа за терпение, с которым он ответил на мои вопросы, и Энрике Герреро-Лопесу за помощь в переводе текста на английский язык.

² Адам Уивер, «Эспецифизм. Анархистский праксис создания народных движений и революционных организаций в Южной Америке», URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/adam-uiver-espetsifizm>

³ Имеется ввиду книга «Социальный Анархизм и Организация». URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/anarkhistskaia-federatsiia-rio-de-zhaneiro-sotsial-nyi-anarkhizm-i-organizatsiia>

⁴ *Anarquismo en América Latina*, Ángel Cappelletti

Примечание *Regeneración*: Сам Фелипе Корреа попросил нас обновить информацию, которая была представлена в этом тексте, поскольку с 2023 года OASL (в том числе и он сам) и другие организации вышли из CAB и основали OSL. ***Organização Socialista Libertária, Либертарно-Социалистическая Организация*** – национальная анархистская политическая организация, которая возникла в результате почти трех десятилетий развития эспецифизма в Бразилии.

1. Краткая история эспецифизма и его содержание

Спасибо, что согласились на это интервью, Фелипе! Благодарю вас за то, что уделите время для ответов на эти вопросы; надеюсь, они окажутся интересными и плодотворными. Для тех, кто не знаком с вами, не могли бы вы кратко рассказать о себе, о том, какой вид активистской деятельности вы ведете и что представляет собой течение эспецифизма?

Привет, Майя! Спасибо за ваш интерес. Для меня большая честь ответить на эти вопросы. Меня зовут Фелипе Корреа, и более двух десятилетий я занимаюсь анархистской деятельностью, а также другими видами деятельности, связанными с анархизмом, такими как исследования и издательское дело.

В области активизма я являюсь членом Анархистской Организации «Свободный социализм» в составе Бразильской Анархистской Координации (OASL/CAB) в Сан-Паулу⁵. Я уже почти 20 лет занимаюсь развитием Эспецифизма в Бразилии. На уровне штата и страны в настоящее время я занимаюсь профсоюзной деятельностью – я являюсь членом одного из профсоюзов учителей (SINPRO), преподаю в университете, в основном в области социальных наук и научно-исследовательской деятельности, а также занимаюсь управлением ресурсами и политическим образованием.

САВ является частью анархистского течения, называемого эспецифизмом – эспецифистский анархизм или просто Эспецифизм, – которое является латиноамериканским проявлением исторического организационного дуализма анархизма, существующего со времен Бакунина и Альянса до наших дней. В Латинской Америке этот термин используется для обозначения теоретических и практических концепций Федерации Анархистов Уругвая (FAU), которая, основанная в 1956 году, сыграла центральную роль в борьбе против военной диктатуры в 1960-х и 1970-х годах. Благодаря организационным структурам, созданным и/или укрепленным FAU, она стала второй силой уругвайской левой в этой борьбе. На уровне профсоюзов и масс она уступала только Коммунистической партии Уругвая, а на уровне вооруженных сил – только тупамаросам. Однако она была единственной силой, действовавшей на обоих уровнях⁶.

С окончанием латиноамериканских диктатур эспецифистский анархизм переживает новую волну. Сначала в Уругвае, в середине 80-х, а затем и в других странах. Бразилия сыграла важную роль в этом процессе и получила свой первый опыт применения эспецифизма в середине 90-х. Он развивался в разных регионах Бразилии, а в 2002 году был объединен в Форуме Организованного Анархизма (FAO). С расширением присутствия и укреплением организационных связей были созданы условия для основания в 2012 году Бразильской Анархистской Координации (CAB), целью

⁵ Веб-сайт OASL: <https://anarquismosp.wordpress.com/> (зброшен в зв'язи з присоединенням к OSL). Веб-сайт CAB: <https://cabanarquista.com.br/> (в оригіналі була представлена видимо зброшений сайт, здесь вместо него поставлен рабочий). Declaración de Principios de CAB (Декларация Принципов CAB, на испанском, оригинальная ссылка на английскую версию не поддерживается и была заменена): <https://elecode lospasos.over-blog.com/article-declaracion-de-principios-de-la-coordinacion-anarquista-brasile-a-cab-106867857.html>.

⁶ О истории ФАУ (на английском), смотреть: <https://web.archive.org/web/20220111112533/https://www.anarkismo.net/article/32515>; О стратегии эспецифистского анархизма, смотреть большое интервью с Хуаном Карлосом Мечосо, старом активисте ФАУ (на английском): <https://theanarchistlibrary.org/library/juan-carlos-mechoso-uruguayan-anarchist-federation-fau-the-strategy-of-especificismo>.

которой является создание национальной политической организации с ячейками по всей стране.

Что касается политической линии, то Эспецифизм – это анархистское течение, вдохновленное идеями Бакунина и Малатесты; оно близко к взглядам группы «Дело Труда» и других классиков анархизма⁷.

Это течение поддерживает ряд идей в отношении крупных стратегических дебатов в анархизме. Во-первых, в отношении организационного спора, эспецифисты поддерживают необходимость организационного дуализма, на основе которого анархисты объединяются в политическую организацию как анархисты и в социальных организациях (профсоюзы и социальные движения) как работники. Во-вторых, в отношении дискуссии о роли реформ⁸, эспецифисты считают, что в зависимости от того, как они проводятся и достигаются, они могут способствовать революционному процессу. В-третьих, в отношении дискуссии о насилии, эспецифисты считают, что оно всегда должно осуществляться в контексте и одновременно с построением массовых движений. На социальном уровне, в массовых движениях, Эспецифизм продвигает программу, которая имеет много общего с революционным синдикализмом.

В области интеллектуальной деятельности я координировал работу Института анархистской теории и истории (IATH), международного проекта, цель которого – углублять и распространять исследования по анархизму. Я проводил исследования, связанные с IATH, в основном в области анархистской политической теории, а также исследования, связанные с университетом. Я также являюсь редактором Faísca Publicações Libertárias, анархистского издательства, выпустившего около 40 книг по боевой пропаганде и академическим исследованиям⁹.

⁷ Видимо, классиков организованного анархизма, социального анархизма. (прим. пер.)

⁸ Реформы здесь нужно понимать в более общем понимании «изменений», «улучшений».

⁹ Веб-сайт IATH: <https://ithanarquista.wordpress.com/>. Веб-сайт Faísca: <http://editorafaisca.net/>.

2. Различия между теорией и идеологией

Начну с очень абстрактного вопроса. В «Анархизм, Власть, Класс и Социальные Изменения»¹⁰ вы определяете анархизм как идеологию, проводя различие между идеологией и теорией в том смысле, что идеология делает политические утверждения и производит практические стратегические вмешательства, в то время как теория делает методологические утверждения, которые определяют ее понимание реальности. Почему это различие так важно и какую связь оно подразумевает между анархистской теорией, идеологией и практикой?

Для анархистов, которые отстаивают организационную необходимость теоретического и идеологического единства, важно иметь четкий ответ на вопрос, что такое анархизм. И в этой дискуссии латиноамериканский Эспецифизм в значительной степени ссылается на текст Федерации Анархистов Уругвая 1972 года под названием «*Huerta Grande: La Importancia de la Teoría*»¹¹. Этот текст основан на размышлениях Малатесты о различии между научной и идеологическо-доктринальными сферами¹².

Согласно этой концепции, которая появляется в «Уэрта Гранде» и у Малатесты, необходимо различать область науки и область идеологии-доктрины. Наука занимается исследованиями прошлого, настоящего и, в лучшем случае, указывает на то, что, вероятно, произойдет в будущем. Идеология-доктрина предлагает оценочные элементы для суждения о реальности и, главным образом, для установления целей и линий действия.

Это различие очень важно по двум причинам. С одной стороны, оно направлено на то, чтобы интерпретация реальности (научная область) не была искажена доктринальными – идеологическими – элементами или, как мы иногда говорим, чтобы то, что было и что есть, не было заменено тем, что мы хотели бы, чтобы было. Последовательная стратегия анархизма должна исходить из точного (теоретически и научно строгого) прочтения реальности. С другой стороны, она направлена на предотвращение такого взгляда на будущее, который отказывается от преобразований во имя реформистского или даже консервативного прагматизма. Последовательная стратегия анархизма должна содержать элементы, которые мы могли бы назвать утопическими или финалистскими, и стремиться к их реализации революционными средствами. Я считаю, что эта позиция была хорошо сформулирована в лозунге, пропагандируемом японским анархистом Осуги Сакаэ¹³.

Эта позиция также выделяет среди этих элементов те, которые являются более или менее гибкими. Научная область должна быть более гибкой (открытой), чем доктринально-идеологическая. Нам необходимо использовать достижения в научной сфере для улучшения нашего понимания социальной реальности. Это не

¹⁰ *Anarchism, Power, Class and Social Change* <https://web.archive.org/web/20240816215839/https://www.anarkismo.net/article/32540>

¹¹ Уэрта Гранде: важность теории, на русском в библиотеке анархизма.

¹² О взглядах Малатесты по этому вопросу, смотреть «Наука и Анархия» или «О науке» в библиотеке анархизма, кажется, что перевод на русский весьма урезан. На испанском «*Anarquismo y Ciencia*» в книге «*Errico Malatesta: Vida e Ideas, organizada*» автора Vernon Richards. <https://files.libcom.org/files/Malatesta%20-%20Life%20and%20Ideas.pdf>

¹³ Текст, в котором Осуги Сакаэ делает это утверждение, частично доступен (на английском языке) в антологии *Anarchism: a documentary history of libertarian ideas*, vol. 1, Robert Graham (Black Rose Books, 2005).

означает и не может означать защиту несогласованного теоретического плюрализма или бессмысленного «спасайся, кто может». Это лишь открытость, которая гарантирует, что мы не будем привязаны к ошибочным, неточным или устаревшим методам, теориям и исследованиям просто потому, что они анархистские.

Сравнительно, идеологическо-доктринальная сфера гораздо менее гибкая, особенно когда речь идет об анархистских принципах. Мы не открыты и не гибки (не «антидогматичны») в отношении наших принципов. Те, кто так относится к принципам, впадают в прагматизм, неспособный к изменениям или социальным преобразованиям. Что касается стратегии, то можно сказать, что общая стратегия является более фиксированной, за ней следует временная стратегия, которая является немного менее фиксированной и более гибкой, и, наконец, тактика, которая является еще более гибкой.

Эту позицию не следует путать с определенным позитивизмом, который отстаивает – и считает возможным – определенную нейтральность в анализе реальности. Она признает, что такая нейтральность невозможна, но что, занимаясь наукой, анархисты должны быть внимательны, чтобы их взгляд не был искажен собственными идеологическими и доктринальными взглядами. Это очень распространено в левом лагере в целом, включая марксизм и анархизм.

Связь между теорией, идеологией и практикой, которая из этого вытекает, заключается в следующем. Можно сказать, что, руководствуясь этими идеями FAU и Малатесты, анархисты отстаивают: необходимость точной теоретической (научной) перспективы для анализа реальности и точного понимания «где мы находимся»; необходимость идеологической (анархистской) перспективы для обоснования наших суждений об этой реальности, для установления конечных целей и возможных и желательных линий действия на рассматриваемый период – то есть анархизм, исходя из его критики господства, самозащиты, управления и стратегического видения, предлагая, таким образом, в общих чертах, «куда мы хотим идти» и «как»; что приводит нас к третьей необходимости – стратегической политической практике, которая приведет нас от того, где мы находимся, к тому, куда мы хотим прийти, практике, основанной на общей стратегии.

Таким образом, анархистская теория помогает понимать реальность, анархистская идеология помогает судить об этой реальности, устанавливать стратегические цели и стратегическую линию действий, а анархистская практика конкретно осуществляет действия по социальному и революционному преобразованию этой реальности.

3. Об определении власти.

Что меня удивляет в ваших работах (и в целом в анархистской традиции Латинской Америки) как активиста англоязычного мира, так это то, что вы уделяете особое внимание понятию «власть». В «Анархизм, Власть, Класс и Социальные Изменения» вы отмечаете, что классические анархисты имели тенденцию нечетко смешивать понятия власти, господства и авторитета в одном и том же концепте. Эта теоретическая неточность затрудняла понимание того, какому типу власти должны противостоять анархисты (господство) и какую власть они должны строить (народную). Почему, по вашему мнению, концепция власти занимает столь центральное место в анархизме и какое значение имеет правильное понимание власти для нашей политической практики и доктрин?

Мы действительно довольно глубоко углубились в обсуждение концепции власти. Мы подчеркнули, что она важна для анархистов не только с точки зрения критики, но и в конструктивном плане и как предложение.

Прежде всего, важно отметить, что, как и все великие концепции, власть является полисемическим понятием (имеет много значений) и может быть определена по-разному. Исторически и в различных течениях мысли можно сказать, как заметил Томас Ибаньес, что власть определялась тремя различными способами: 1) как способность (возможность что-то сделать), например, когда мы говорим, что у нас есть власть сделать то или это; 2) Как структуры и механизмы регулирования и контроля (конкретная вещь), например, когда мы говорим, что кто-то или какая-то группа захватила власть; 3) Как асимметрия в соотношении сил (временное отношение подчинения), например, когда мы говорим, что один класс – в определенный момент и на определенный срок – установил отношения власти (подчинил) по отношению к другому¹⁴.

Когда мы говорим о классических анархистах, они также обсуждают эти подходы, как я аргументировал в «Анархизм, власть, класс и социальные изменения». И нередко они рассматривают отношения господства через такие термины, как господство, власть и авторитет. Когда мы берем случай классических анархистов, в большинстве случаев они используют эти термины (господство, власть, авторитет), имея в виду то, что мы называем в нашем анархистском течении отношениями господства.

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу этих утверждений. Во-первых, несмотря на такой преобладающий подход, в той или иной степени все классические анархисты предлагают элементы для создания анархистской теории власти. Конечно, они не уделяли этому приоритетного внимания при жизни, но в их трудах, без сомнения, есть много элементов, касающихся этой темы. Во-вторых, когда я делаю эти утверждения о «классических анархистах», я не включаю в их число Прудона, который, по моему мнению и по мнению других исследователей, является скорее отцом анархизма, чем самим анархистом, поскольку мы считаем, что анархизм возник только в рамках Первого Интернационала во второй половине

¹⁴ Об этих и других аргументах Ибаньеса, смотреть отзыв Koppea на его статью «Por un Poder Político Libertario» (К Либертарной Теории Власти, на английском): <https://web.archive.org/web/20201111234544/https://www.anarkismo.net/article/19736>.

1860-х годов¹⁵. Среди либертарных классиков социализма Прудон выделяется своим большим вкладом в эту дискуссию о власти. В-третьих, как Прудон, так и классические анархисты, хотя в большинстве случаев они одинаково относятся к господству, власти и авторитету, также открывают возможности для других подходов.

Прудон отстаивает «социальную власть» как коллективную силу рабочих («*Справедливость в революции и в церкви*»). Бакунин подчеркивает, что он не отвергает все формы власти («*Бог и государство*») и даже требует власти «союзников», членов Альянса, в отношении рабочих («*Письмо Альберу Пушару*»). Малатеста говорит об «эффективной власти всех рабочих» («*La Dittatura del Proletariato e l'Anarchia*»). Бернери защищает «использование политической власти пролетариатом» («*La Dittatura del Proletariato e il Socialismo di Stato*»). Можно было бы привести еще много других примеров. Я хочу показать не то, что эти деятели постоянно использовали термин «власть» для обозначения своих конструктивных стратегий, а то, что даже в их работах есть моменты, когда появляются такие ссылки.

В «*Анархизм, власть, класс и социальные изменения*» я утверждаю, что, если мы отвлечемся от термина и углубимся в содержание этой дискуссии, то увидим, что, в целом, все анархисты видят в рабочих определенную способность к самореализации; эти анархисты обычно обсуждают и реализуют действия, направленные на преобразование этой способности в социальную силу, способную вмешиваться в социальную реальность, и, в конечном итоге, стремятся способствовать тому, чтобы рабочие взяли верх, победив буржуазию, бюрократию и своих классовых врагов в целом, посредством социальной революции, которая приведет к социализму, основанному на самоуправляемых и федералистских структурах и механизмах регулирования и контроля.

Как я подробнее расскажу чуть позже в этом интервью, эти элементы – способность к реализации, социальная сила, отношения господства/превосходства, а также структуры и механизмы регулирования и контроля – находятся в центре теории власти, которую отстаивают эспецифисты и которую я отдельно разработал в теоретическом плане.

Я считаю, что в зависимости от того, как его определять, понятие власти может играть очень важную роль в анархизме. Во-первых, для объяснения того, что такое анархизм сам по себе. Например, я использую понятие власти в качестве основы для объяснения анархизма в своей книге «*Bandeira Negra: rediscutindo o anarquismo*» [Черное знамя: переосмысляя анархизм], которая является не чем иным, как обновленной версией «Что такое анархизм», призванной решить проблемы предыдущих исследований, посвященных этой теме.

Когда я определяю анархизм в этой книге, я подчеркиваю, среди прочего, что «анархизм [...] стремится преобразовать способность угнетенных классов к самореализации в социальную силу и, посредством социального конфликта, характеризующегося классовой борьбой, заменить господство (власть, возникающую как вектор,

¹⁵ Об этом аргументе, см. статью Koppea «*Teoría y Historia Anarquista en Perspectiva Global*» (Анархистская Теория и История в Глобальной Перспективе, на английском): <https://ithanarquista.wordpress.com/2021/12/15/felipe-correa-anarchist-theory-and-history-in-global-perspective/>.

являющийся результатом социальных отношений) самоуправляемой властью, упрощенной в трех структурированных сферах общества». Таким образом, анархистский проект рассматривается мной как «проект власти»¹⁶.

Во-вторых, концепция власти может поддержать анализ реальности, разработанный анархистами. С ее помощью (и с помощью последовательной теории власти) можно понять, в истории или в настоящее время (с точки зрения конъюнктуры), какие силы действуют в данном контексте, какие из них доминируют/преобладают по отношению к другим, какие отношения власти устанавливаются в этих контекстах и какие формы принимают такие отношения (господствующие, самоуправляемые, с большим или меньшим участием).

В-третьих, и, возможно, это главная причина, чтобы анархисты четко понимали свой политический проект и куда/как они намерены прийти. По моему мнению, мы постоянно наблюдаем анархистов, которые не понимают, какие действия они могут/должны предпринять для продвижения своего проекта. Они не способны конкретно оценить реальность и разработать адекватную стратегическую программу.

Однако наиболее серьезный случай происходит, когда анархисты не понимают, что им недостаточно просто существовать в мире и осуществлять свои действия, не достигая определенного усиления и завоеваний. Также недостаточно, в случаях, когда такие усиления и завоевания достигаются, не знать, куда/как нужно идти. Поясню. Либо анархисты думают о способах максимизации своей социальной силы и, что еще более важно, социальной силы рабочих, с тем чтобы это могло привести к революционной, самоуправляемой/федералистской трансформации, либо у них нет смысла существовать. Более того: либо анархисты понимают, что в ряде случаев им придется навязывать свою волю другим, преобладать над другими, либо они не смогут реализовать свой проект.

Можно привести много примеров. Но я сосредоточусь на одном из них, когда в контексте Испанской Революции несколько влиятельных членов Национальной конфедерации труда (CNT), анархо-синдикалистской организации, которая в то время представляла на тот момент примерно полтора миллиона рабочих, поняли, что установление народной и самоуправляемой власти в регионах, где социальная сила анархистов/анархо-синдикалистов была преобладающей, будет равносильно установлению «анархической диктатуры».

Это концептуально ошибочное толкование, которое, на мой взгляд, свидетельствует о непонимании того, что анархистский проект действительно является проектом власти. Проект против господства и эксплуатации, основанный на самоуправлении и федерализме, это верно, но он остается проектом власти. Опасаясь навязывать и доминировать над вражескими и оппозиционными силами, CNT предпочла принять сотрудничество с республиканским правительством...

Эта, на мой взгляд, нерешенная проблема взаимоотношений между анархистами и вопросом власти вызывает проблемы такого рода. И не только в революционных и повстанческих ситуациях, но и в повседневных обстоятельствах, таких как

¹⁶ Упомянутая статья «Анархистская Теория и История в Глобальной Перспективе» содержит краткое изложение этой книги.

профсоюзные, социальные, студенческие, коммунитарные движения и борьба и так далее.

Короче говоря, принятие этого понимания власти, которое я поддерживаю здесь, имеет многочисленные последствия. Оно позволяет более адекватно понять анархизм, углубить анализ реальности и, главным образом, анархистский политический проект. В частности, это понимание власти помогает анархистам расширить свое влияние на реальность и стать еще более влиятельными.

4. О заимствованиях в анархизме

Для многих западных анархистов концептуальный подход к власти ассоциируется с трудами Мишеля Фуко. Для некоторых эта ассоциация является положительной, но многие представители массового анархизма связывают ее с отказом от классовой борьбы. Какое влияние, если оно вообще было, оказал Фуко на латиноамериканские дебаты? Читают ли его, и если да, то что из его работ?

Верно, что «для многих западных анархистов концептуальный подход к власти ассоциируется с трудами Мишеля Фуко». Но это, на мой взгляд, говорит больше о «западных анархистах», чем о дискуссии о власти в анархизме.

Фуко, без сомнения, является одним из величайших мыслителей XX века и широко изучается в университетах. Мое впечатление – и это было одной из моих главных критических замечаний в адрес анархистского сообщества в целом – состоит в том, что многие анархисты, возможно, из интеллектуального удобства или даже из-за следования академической моде, в конечном итоге присваивают себе авторов из других традиций, из других политико-идеологических течений, вместо того чтобы искать идеи, которые существуют в нашей собственной области. Хуже всего то, что эта присвоение в большинстве случаев происходит некритично и не для того, чтобы дополнить вклад анархистов, а для того, чтобы заменить его.

То, что я считаю модой на Фуко среди анархистов в разных частях мира, отражает, на мой взгляд, некий «анархизм без анархистов», который, к сожалению, сейчас встречается во многих местах. Сейчас существует множество «анархистских исследований», не имеющих отношения к анархизму и историческим анархистам.

Я хочу сказать, что среди анархистов, синдикалистов и либертарных/антиавторитарных социалистов в целом есть многочисленные труды в этой дискуссии о власти. Но изучать их означает, в большинстве случаев, «ломать камни»: тексты не очень легко найти, многие из них не переведены, практически нет комментаторов, нет учебников, никто не изучает их в университете... То есть, мы должны признать, что изучать Бакунина, Малатесту, Кропоткина, Прудона и так далее нелегко.

Я считаю более чем необходимым посвятить себя изучению нашей расширенной традиции (анархистской, синдикалистской, либертарной/антиавторитарной социалистической) и создавать, разрабатывать, предлагать вам наши критические материалы. В настоящее время я работаю над книгой, в которой воссоздаю теоретические наработки Малатесты о властных отношениях. Несомненно, что, хотя эти наработки удивительны, их чрезвычайно сложно восстановить, реконструировать и дополнить.

Вернусь к Фуко. Да, наша традиция эспецифистского анархизма была в некоторой степени подвержена влиянию Фуко (в Уругвае и некоторых регионах Бразилии, особенно на юге), который был и остается автором, читаемым активистами. Я хорошо знаком с дискуссией Фуко о власти, я преподавал и писал на эту тему. Оказывается, как вы правильно заметили, у Фуко есть свои сложности и неоднозначности.

Что я могу сказать, как знаток этой дискуссии о власти у Фуко, так это то, что мы, эспецифисты, вместо того, чтобы проводить строгий академический анализ этого автора, предложили критическое осмысление некоторых его теоретических концепций и точек зрения и адаптировали их к общей системе координат нашего анархизма (чтобы такие элементы, как социальные классы и классовое сознание,

остались присутствовать). На мой взгляд, это эспецифистское прочтение Фуко было сделано левыми, очень левыми.

В любом случае, я понимаю, что в подобных подходах есть определенный риск, потому что, несмотря на различие, которое мы проводим между теорией и идеологией, и несмотря на более гибкую и открытую позицию по отношению к первой, чем ко второй, нельзя отрицать, что теоретические вклады содержат идеологические элементы, и иногда, не осознавая этого (потому что мы черпаем из определенного теоретического материала), мы можем в конечном итоге включить определенные элементы, идеологически сложные для анархизма.

Я видел, как это происходило в анархистском движении в разные эпохи и в разных регионах, как с включением марксистской теории, которая впоследствии превратилась в «марксистские» идеологические элементы, так и с включением постмодернистской теории, которая, таким же образом, породила очень сложные идеологические перспективы, далекие от анархизма.

Когда я говорю, что у Фуко есть сложности и неоднозначности, я имею в виду некоторые конкретные моменты. Он никогда не был анархистским мыслителем и не имел больших программных и стратегических интересов. Если его идеи можно интерпретировать таким образом, более левым образом, как это делают эспецифисты, то их также можно рассматривать с очень либеральной точки зрения и даже с точки зрения полного смирения. В последнем случае это приводит к таким выводам: если во всех отношениях присутствует власть, то ничего не поделаешь, поскольку мы все одновременно и угнетаемые, и угнетатели. В этом смысле существуют действительно серьезные риски.

Следует отметить, что, глубоко изучив различных классиков анархизма, синдикализма и либертарного/антиавторитарного социализма, я могу сказать, что все, что наше течение позаимствовало у Фуко, присутствует у «наших» авторов. Нет ничего, что мы позаимствовали у Фуко, чего не было бы, например, у Малатесты и/или Прудона.

Я считаю, что следует любой ценой избегать этой практики (к сожалению, очень распространенной в анархизме), когда мы некритично принимаем и внедряем все, что кажется интересным, что находится в моде (академической или активистской), что мы изучаем в университете или обсуждаем в движениях. Исторически анархизм имеет определенные линии (и каждое анархистское течение имеет более конкретные линии внутри анархизма). Поэтому важно иметь в виду, что вклады должны дополнять эти линии, а не отвергать их, ставить под угрозу или искажать.

**5. Уровни социальной силы.
Каковая роль анархистов в
организации власти угнетенных
классов?**

Еще одним термином, который, похоже, приобретает все большее значение в эспецифистском направлении, является «социальная сила». Социальная сила – это «реализованная» сила угнетенного класса, когда он организуется и направляет свои усилия с помощью правильных средств на достижение целей, которые отвечают его интересам. Таким образом, концепция социальной силы поощряет организацию угнетенного класса как в практическом, так и в идеологическом плане, поскольку более высокая степень организации означает еще большую способность к социальным преобразованиям. Не могли бы вы немного подробнее рассказать о том, как реализуется эта «социальная сила»? Кроме того, и это, возможно, проблема перевода, в чем разница между властью и социальной силой? Из прочитанных мной ваших переведенных работ следует, что существуют различные уровни социальной силы, которые подразумеваются, но не описываются явно. Во-первых, цитируя Прудона, существует своего рода потенциальная сила, которую рабочие получают, работая совместно. Кроме того, существует сила, которая получается при совместной работе в идеологическом и политическом смысле: коллективная работа над достижением общей цели и реализацией общей программы. Наконец, есть социальная сила в том смысле, о котором вы говорите в основном, на уровне классов, где классы, угнетаемые в силу своего классового положения, могут создать народную власть. Мне было бы интересно услышать ваше мнение о взаимосвязи между этими уровнями (независимо от того, согласны ли вы с моим расширением этого термина). Переформулирую этот вопрос более практично: какую роль играет анархистская организация в организации власти угнетенных классов?

В этом вопросе есть много элементов, которые, на мой взгляд, важно подробно рассмотреть и систематизировать. Шаг за шагом я смог написать другие материалы на тему власти, которые охватывают все, о чем вы меня спрашиваете. Я постараюсь систематизировать их в более доступной форме, чтобы облегчить понимание. Все, что я скажу ниже, относится к классическим авторам (в основном, Бакунин, Малатеста, Прудон) и современным (Альфредо Эррандонеа, Томас Ибаньес, Фабио Лопес, Бруно Л. Роча), включая анархистские эспецифистские организации и мои собственные работы.

Прежде всего, важно помнить, как я уже говорил, что власть исторически определялась тремя способами: 1) как способность; 2) как структуры и механизмы регулирования и контроля; и 3) как асимметрия в соотношении сил. Эти три элемента важны и присутствуют в теории власти, которую я разрабатываю. Не обязательно как часть самого понятия власти, но в связи с ним.

Давайте возьмем за отправную точку определение власти, которое я считаю подходящим: власть – это конкретные и динамичные социальные отношения между различными асимметричными силами, в которых одна (или несколько) сил преобладает над другой (или другими). В этом определении есть несколько важных аспектов.

Во-первых, когда я утверждаю, что власть является социальным отношением, я имею в виду, что власть означает отношение власти и что в ней участвуют по крайней

мере две стороны (люди, группы, классы и так далее). Во-вторых, когда я говорю о конкретных и динамичных отношениях, я исключаю понятие власти как способности, которая находится в сфере возможностей, как чего-то, что может материализоваться или нет; я имею в виду, более конкретно, отношения, которые действительно существуют. Эти отношения никогда не являются постоянными, они всегда находятся в определенном контексте (время-пространство) и являются временными; никто не обладает властью вечно, а только в течение определенного времени. Таким образом, властные отношения постоянно меняются и могут трансформироваться в любой момент.

В-третьих, когда я говорю о взаимоотношениях между различными асимметричными силами, необходимо точно определить это понятие или вспомогательное подпонятие: социальная сила. Социальная сила может быть определена как энергия, которую агенты применяют в социальных конфликтах для достижения определенных целей. Такая сила может быть индивидуальной, групповой или классовой и означает материализацию способности к реализации. Здесь мы имеем первый аспект, который организует эти три исторические формы концептуализации власти: я различаю способность к реализации и социальную силу.

Способность к реализации – это возможность сделать что-то в будущем, эта возможность может реализоваться или нет. Мы говорим о способности к реализации, когда, например, говорим, что рабочие имеют силу преобразовать мир. В соответствии с концепциями, которые я принял, эту фразу лучше сформулировать следующим образом: рабочие имеют способность (возможность) преобразовать мир. Это связано с тем, что, даже имея эту способность, они могут преобразовать мир, а могут и не преобразовать. Это не что-то конкретное, что действительно происходит.

Способность к реализации становится социальной силой, когда она выходит за пределы области возможности реализации чего-либо в будущем, что может произойти или не произойти, и фактически претворяется в жизнь. Она становится частью игры сил, составляющих социальную реальность. Вернемся к нашему примеру: рабочие имеют способность преобразовывать мир. Но возможно, что все они занимаются своей повседневной жизнью, ходят на работу, заботятся о семье и живут жизнью, которая не оказывает влияния на направления развития капиталистического общества. В этом случае они просто продолжают обладать этой потенциальной способностью.

Однако, когда они начинают направлять свою энергию в социальные конфликты для достижения определенных целей, эти рабочие составляют социальную силу. Например, когда они начинают организовываться, бороться, выдвигать требования и так далее. Обратите внимание, что в этом случае их способность превращается в социальную силу. Эта сила может быть довольно незначительной и, следовательно, неспособной изменить ход реальности, но она может быть средней или даже большой и, таким образом, привести к изменениям и преобразованиям.

Когда я говорю о социальной силе, важно учитывать два момента. Во-первых, все мы рождаемся с физической силой нашего собственного тела, которую можно использовать в определенных конфликтах. Например, физическая сила мужчины может быть использована для того, чтобы подчинить женщину в данном конфликте. Во-вторых, социальная сила может быть индивидуальной или коллективной, и во

Força social

Capacidade de realização – Способность реализовывать, осуществлять что-то. Força social – Социальная сила.

втором случае мы всегда должны учитывать, что коллективная сила больше, чем сумма индивидуальных сил. Например, коллективная сила 100 рабочих, протестующих перед зданием мэрии в течение часа, гораздо больше, чем если бы эти рабочие оставались там по отдельности, один за другим, в течение часа. Даже если количество часов протеста на человека одинаковое. Кроме того, следует учитывать, что существует множество способов усилить социальную силу. Рассмотрим некоторые из них, которые хорошо известны.

Люди могут:

1) Увеличить свою физическую силу и улучшить навыки использования этой силы с помощью упражнений и боевых искусств. Например, в конфликте между ультрас физическая сила может быть определяющим фактором, или даже в случае боевых действий на войне, требующих физических способностей и усилий.

2) Объединять и мобилизовывать людей с общей целью. Например, для петиции, выборов или уличного марша количество собравшихся и мобилизованных людей является ключевым фактором.

3) Обладать деньгами, собственностью, техникой и природными ресурсами. Об этом, например, говорит тот факт, что богатым гораздо легче подчинить себе бедных, чем наоборот; что страна с большими запасами нефти имеет большее влияние в международных геополитических отношениях, чем страна без нефти; или что в условиях капиталистической конкуренции крупные игроки, как правило, подчиняют себе мелких.

4) Завоевание руководящих и решающих постов, поскольку люди, занимающие их, имеют гораздо больше возможностей подчинить себе тех, кто их не занимает. Когда мы говорим, например, что между работодателем и работником нет свободного взаимного установления заработной платы, это именно по этой причине. Занимая руководящие и решающие должности или даже являясь владельцами предприятия, менеджеры и собственники почти всегда будут иметь гораздо большую социальную силу, чем работники, в трудовых конфликтах. Это объясняет, почему в бюрократизированном народном движении руководящие и решающие должности являются предметом острой борьбы между организациями и политическими партиями.

5) Развивать способность влиять и убеждать, когда есть люди, которые с помощью аргументов или харизмы, в разговорах, речах и так далее убеждают и привлекают на свою сторону других людей.

6) Обладать оружием и военными технологиями, которые являются фундаментальными элементами, например, для определения исхода войны.

7) Обладать информацией и знаниями, которые позволяют не только оказывать большее влияние на конфликты, но и заранее знать о шагах противников и врагов.

Можно упомянуть и многие другие способы увеличения социальной силы. Следует отметить, что в каждом случае существует набор «правил» о возможных и законных способах увеличения социальной силы. Давайте посмотрим. Для физических конфликтов между ультрас посещение спортзала и занятия боевыми искусствами гораздо более приемлемы («нормальны»), чем для трудовых споров по поводу переговоров о заработной плате в компании. Для конкурентных конфликтов между компаниями владение имуществом и деньгами – инвестирование с целью получения все большего и превращения этого в механизм для установления своего превосход-

ства – гораздо более приемлемо/нормально, чем в социальных конфликтах, которые ведут народные движения и революционные социалистические организации.

Я хочу сказать, что каждая форма конфликта имеет определенный набор правил о том, что является более приемлемым, нормальным, привычным для увеличения социальной силы. Это не означает, что нельзя пойти по другому пути. Например, оружие в целом не является частью нормального выбора профсоюза, но в Бразилии мы знаем, что в зависимости от профсоюза это является реальностью.

Еще одним важным аспектом этой дискуссии является то, что отношения между социальными силами всегда происходят в определенной обстановке: структуре или порядке с правилами, контролем, нормами, институтами. Эта обстановка также формируется отношениями сил, но они более устойчивы во времени и пространстве и институционализированы, в результате чего сама обстановка имеет свои правила и, следовательно, оказывает влияние на игру. Социальные силы, которые работают в пользу структуры/порядка, гораздо сильнее (они максимизируются), чем силы, которые им противостоят (они минимизируются).

Это объясняет, почему в социальном плане продолжать то, что уже происходит, обычно легче, чем изменить это; движения, которые подтверждают порядок, обычно имеют больше преимуществ, чем движения, которые его оспаривают. Представим, например, два движения с одинаковым количеством людей и ресурсов: одно в защиту капитализма, другое – антикапиталистическое. Я утверждаю, что в такой ситуации, даже при одинаковых ресурсах/людях, капиталистическому движению будет легче, поскольку оно будет действовать в рамках соответствующей ей обстановке, в рамках капиталистической структуры, пользуясь инерцией, присущей таким отношениям.

Как можно видеть, это понятие социальной силы полезно для рассмотрения различных тем, особенно конфликтов между определенными силами на микро-, мезо- и макросоциальном уровнях. Упомянутая динамика соотношения асимметричных сил может быть использована для понимания отношений между людьми, бандами, компаниями, странами, партиями, средствами массовой информации, классами и так далее.

Мы можем представить себе социальную реальность как результат противостояния различных социальных сил, которые в большинстве случаев не ограничиваются двумя (сила А против силы Б). Часто существует множество сил, которые по-разному влияют на реальность, которые близки или далеки друг от друга, которые являются союзниками и сотрудничают друг с другом.

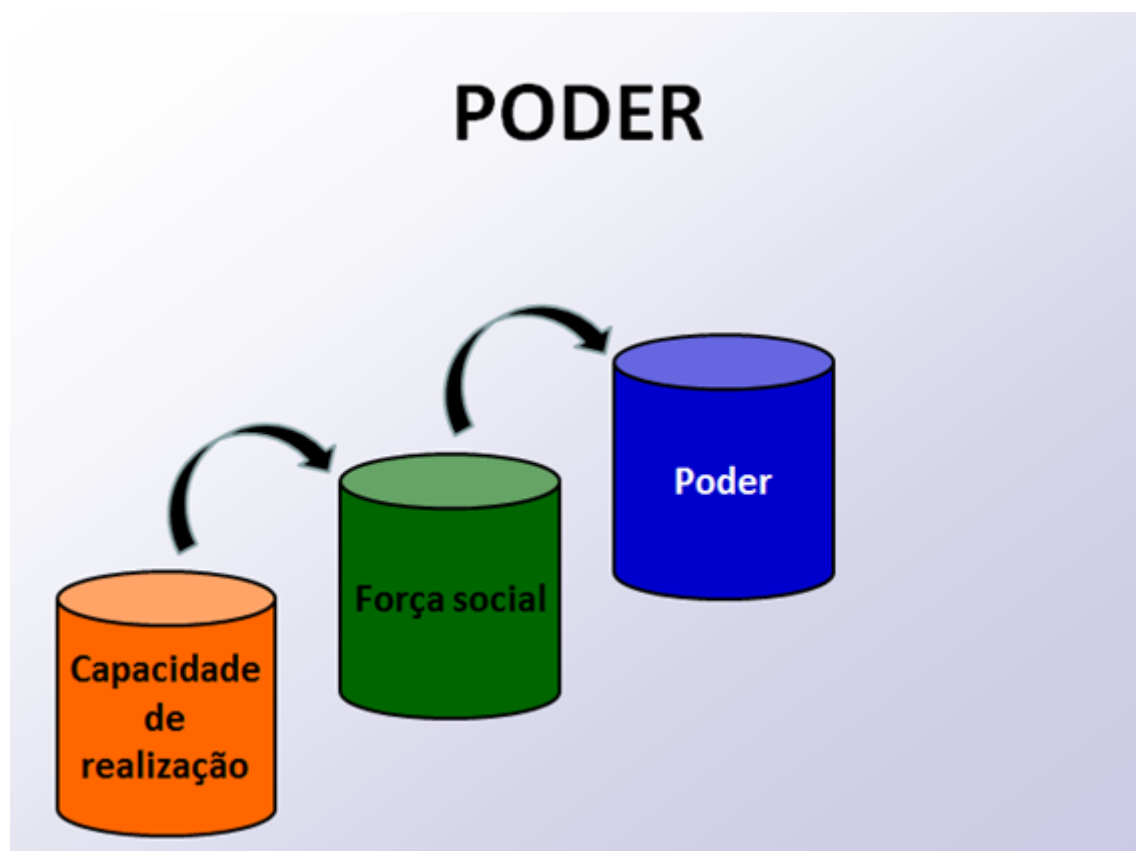
Здесь я подхожу к более конкретному понятию власти, упомянутому выше. Власть возникает именно тогда, когда одна или несколько сил преобладают (накладываются, навязываются) над другой (другими). И здесь становится очевидной разница между социальной силой и властью. Составлять социальную силу означает вмешиваться в реальность/влиять на нее, играть роль в конфликтах; иметь власть означает сделать свою социальную силу силой, которая преобладает над другими, накладывается на них, навязывается им.

В этом смысле можно сказать, например, что с момента своего возрождения в 1990-х годах анархисты и профсоюзные активисты (синдикалисты) в целом стали социальной силой. Потому что в разных странах они влияют на реальность, будь

то в борьбе и протестах в целом, в профсоюзных, коммунитарных, студенческих, сельских движениях или даже в сфере идей в более общем плане.

Это ни в коем случае не означает, что анархизм, анархо-синдикализм и революционный синдикализм обладают властью. В настоящее время они представляют собой социальную силу меньшинства в левом движении в целом и практически незначительную силу, если говорить о социальных силах, которые борются за глобальное направление развития общества¹⁷.

Когда мы отстаиваем необходимость анархизма, стремящегося к власти, это обязательно подразумевает разработку и внедрение способов максимального усиления анархизма и, главным образом, народных классов, чтобы они стали мощными агентами не только левых сил, но и на местном, региональном, национальном и даже международном уровнях.

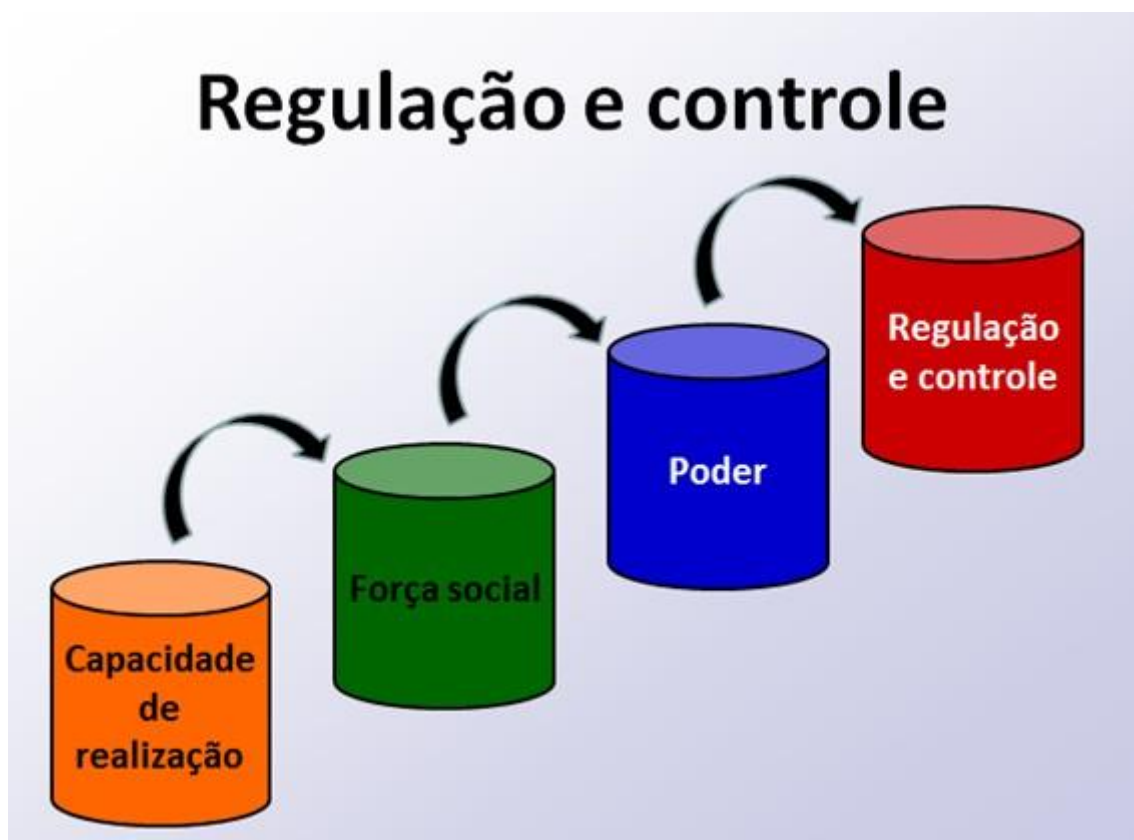

К старой картинке добавлены слова «poder» – «власть».

¹⁷ Вот некоторые из выводов, сделанных мной (Корреа) по результатам двухлетнего исследования глобального возрождения анархизма, анархо-синдикализма и революционного синдикализма в период с 1990 по 2019 год. Результаты этого исследования можно найти в главе «Глобальное возрождение анархизма и синдикализма (1990-2019)» книги «Кембриджская история социализма: глобальная история в двух томах», под редакцией Марселя Ван дер Линдена (Кембридж, 2022) и в «Досье Современный анархизм: анархизм и синдикализм во всем мире (1990-2019)»: <https://ithanarquista.wordpress.com/contemporary-anarchism/>.

Власть присутствует во всех сферах и на всех уровнях общества. Она обеспечивает основу для регулирования, контроля, содержания, стандартов и так далее. Таким образом, она имеет прямое отношение к принятию решений.

На данный момент мы располагаем определенными теоретическими аспектами, способными поддержать анализ реальности, будь то прошлого или настоящего. Эти теоретические аспекты позволяют нам разрабатывать исторические рассуждения и анализировать ситуацию, отвечая на ряд конкретных вопросов. В данной ситуации (момент/территория): какие социальные силы действуют? Как они влияют на социальную сферу? Какие(ой) из них преобладают? Каковы результаты этих взаимоотношений? Чтобы понять конкретную ситуацию в обществе, необходимо составить карту действующих сил, их влияния на реальность, преобладающих тенденций и результатов этого противостояния.

Regulacao e controle – Регулирование и контроль.

Как властные отношения, так и регулирование и контроль, существующие в обществе, могут предполагать господство, а могут и не предполагать. Это означает, что, как утверждаем я и другие эспецифисты, власть и господство не являются синонимами; равно как и регулирование/контроль и господство. Другими словами, властные отношения могут быть отношениями господства, а могут и не быть. Набор

механизмов регулирования и контроля может быть господствующим, но может и не быть таковым.

Это утверждение становится возможным благодаря другому дополнительному понятию или подпонятию: участию. В общем смысле участие – это действие, заключающееся в принятии участия или вкладе в коллективные решения; оно связано со всем процессом, обсуждаемым в контексте формирования социальных сил, конфликтов/споров и установления властных отношений. Властные отношения и механизмы регулирования и контроля можно анализировать и понимать в зависимости от того, насколько они предполагают участие.

Таким образом, власть, регулирование и контроль могут быть господствующими (и, следовательно, иметь меньше участия) или самоуправляемыми (и, следовательно, иметь больше участия). Власть можно тогда представить как отношение, колеблющееся между этими двумя крайностями: господством и самоуправлением.

Господство – это иерархические социальные отношения, в которых один или несколько человек принимают решения, касающиеся всех; оно объясняет неравенство, подразумевает отношения эксплуатации, принуждения, отчуждения и так далее. Господство объясняет существование социальных классов, хотя помимо классового господства существуют и другие формы господства. Самоуправление – это антитеза господства; это неиерархические (эгалитарные) социальные отношения, в которых люди участвуют в планировании и принятии решений, которые затрагивают их лично и коллективно. Самоуправление лежит в основе проекта общества без классов и других форм господства.

Из этого вытекают некоторые понятия. Во-первых, что господство является формой власти, как и самоуправление. Можно сказать, что исторически сложилось так, что подавляющее большинство властных отношений, которые устанавливались на макросоциальном уровне, были отношениями господства (то есть подчиняющей власти). Но можно также утверждать, что параллельно с этим бесчисленное множество других властных отношений на мезо- и макросоциальном уровнях были отношениями самоуправления (то есть самоуправляемой властью). Мы замечаем это как в движениях и борьбе, так и в определенных моменты восстаний и революций.

Когда эспецифизм утверждает, что необходимо «построить народную власть» «народовластие», он защищает не что иное, как создание народной социальной силы, способной подтолкнуть социальную революцию и, таким образом, установить отношения власти по отношению к господствующим классам и крупным агентам господства в целом. Очевидно, речь идет не о построении какой-либо власти, а о самоуправляемой власти, которая подразумевает прямую борьбу с отношениями господства и стремится к обществу без классов и других форм господства. Таким образом, наше понимание народной власти – это понимание самоуправляемой власти.

Роль анархистской организации направлена именно в этом направлении. Ее цель, в первую очередь, состоит в том, чтобы способствовать преобразованию способности рабочих к реализации в социальную силу. Во-вторых, содействовать постоянному росту этой социальной силы рабочих. В-третьих, укреплять позиции левых, социалистов, революционеров и либертарианцев/антиавторитаристов в противовес позициям правых, капиталистов, реформистов и авторитаристов, присутствующих среди рабо-

чих и в их движениях. В-четвертых, стимулировать построение самоуправляемых властных отношений, направленных на революционный процесс социальных преобразований, создавая равноправные и либертарные институты регулирования и контроля, которые позволяют расширять этот проект на региональном, национальном и международном уровнях.

6. Социальный класс

С более практической точки зрения, определение власти и господства в рамках Эспецифизма использовалось для теоретического понимания стратегии построения «фронта угнетенных классов». Некоторые из наших товарищей обеспокоены тем, что эта стратегия приведет к отказу от руководящей роли рабочего класса и его уникальной связи с производством во время социалистической революции. Мы также обеспокоены тем, что она может привести к «волюнтаристскому» анализу социалистической трансформации. То есть, она, похоже, ставит отношения господства выше отношений с средствами производства для понимания роли, которую тот или иной класс будет играть в социальной революции, и, следовательно, потенциально ставит приоритет на повышение сознания над политической конфронтацией по поводу производства. Я надеялся, что вы сможете ответить на следующие вопросы: верно ли я понимаю вашу позицию?

Я хочу начать с того, что концепция социальных классов, с которой мы работаем, в целом очень близка к концепции, поддерживаемой различными классическими анархистами, такими как Бакунин и Малатеста. Проблема здесь, опять же, заключается, на мой взгляд, в упомянутом заимствовании теоретических элементов (в данном случае из марксизма) в анархизм, что мешает нам познать и оценить наши собственные теоретические концепции.

Эти и другие анархисты имеют важные рассуждения для данной дискуссии о социальных классах. Во-первых, для Бакунина, Малатесты и других социальный класс никогда не был исключительно экономическим понятием. Безусловно, классы включают (нередко в основном) элементы экономического порядка, такие как владение средствами производства и распределения, а также связанные с этим экономические привилегии. Можно сказать, что в этом смысле существует экономическая власть.

Но классы также включают в себя и другие элементы политического порядка, такие как владение средствами управления и принуждения, а также связанные с этим политические привилегии. В этом смысле можно говорить о наличии политической власти. Наконец, классы включают в себя и интеллектуальные/нравственные элементы, такие как владение средствами коммуникации и образования, а также связанные с этим интеллектуальные привилегии. В этом смысле можно говорить о наличии интеллектуальной власти.

В капиталистическо-государственнической системе – и, следовательно, в современном обществе – можно утверждать, что существует совокупность господствующих классов и совокупность угнетенных классов. В экономическом плане мы можем говорить о собственниках (буржуазии и землевладельцах), которые подчиняют себе пролетариев (в строгом смысле слова – наемных работников) и крестьян. В политическом плане мы можем говорить о бюрократии (губернаторы, судьи, полицейские), которая подчиняет себе большую часть управляемых. В интеллектуальном плане мы можем говорить о религиозных, публичных и образовательных авторитетах, которые подчиняют себе тех, кто имеет малое или никакое влияние на производство идей в обществе в целом.

Таким образом, в нашем обществе, когда мы говорим о социальных классах, мы можем выделить три основных социальных конфликта: собственники против пролетариев и крестьян (экономический); бюрократы против управляемых (полити-

ческий); религиозные/публичные/образовательные власти против людей, имеющих мало или не имеющих никакого влияния на производство макросоциальных (интеллектуальных) идей.

Важно отметить, что эти конфликты всегда формулируются в системных терминах. Таким образом, это различие между тремя сферами (экономической, политической и интеллектуальной) и тремя связанными с ними конфликтами, упомянутыми выше, является лишь аналитическим. Потому что на самом деле эти три части образуют структурное целое, которое функционирует как система. Связь между этими тремя конфликтами указывает именно на то, о чем я упомянул выше. Существуют не только буржуазия и пролетариат; существуют не только два конфликтующих класса.

Как уже было сказано, существует группа господствующих классов и группа угнетенных классов. В нашем обществе господствующее положение занимает группа классов, состоящая из: собственников + бюрократии + религиозных/публичных/образовательных авторитетов (подчеркиваю, что здесь я имею в виду, очевидно, крупные религии, публичные и образовательные компании, то есть те, которые определяют производство идей в современном обществе). Эта группа одновременно владеет средствами производства и распределения, управления и принуждения, коммуникации и образования, а также пользуется экономическими, политическими и интеллектуальными привилегиями.

Страдая от господства в нашем обществе, мы имеем еще одну группу классов, состоящую из: пролетариев + крестьян (и традиционных народов) + маргиналов, которые в совокупности и одновременно являются жертвами экономической эксплуатации, политико-бюрократического господства, физического принуждения и интеллектуального отчуждения. Между этими двумя широкими группами классов также существует менее значимый промежуточный сектор.

Таким образом, когда мы говорим о классовой борьбе, необходимо понимать, что она может проявляться (и проявляется) двумя разными способами. Один из них, например, когда наемные работники компании противостоят конкретному начальнику. Другой, более общий, который включает в себя две вышеупомянутые группы: правящие классы против угнетенных классов.

Если вы и другие коллеги заинтересованы, мы можем поделиться исследованием, в котором эти теоретические предположения используются для анализа социальных классов в современной Бразилии. Оно довольно полное и очень интересное.

Эта концепция социальных классов имеет последствия, которые показывают различия между нашими позициями и позициями, обычно связанными с марксизмом. Особенно когда мы считаем бюрократию правящим классом и, следовательно, классовым врагом рабочих, как и буржуазия или землевладельцы; то же самое касается крупных религиозных лидеров, владельцев крупных медиа- и образовательных конгломератов – все они являются классовыми врагами рабочих и должны быть одинаково бороться с ними, чтобы социализм стал возможным.

Этот социализм также охватывает три следующих области: мы стремимся к всестороннему социализму, который не ограничивается экономикой. Мы выступаем за обобществление средств производства и распределения (экономической власти), а также за обобществление средств управления и принуждения (политической власти) и средств коммуникации и образования (интеллектуальной власти). Это то, что

мы понимаем под концом капитализма, государства, социальных классов. То есть полное обобществление социальной власти.

Что касается предложения о «фронте угнетенных классов», то я могу сказать, что, в нашем понимании, это означает, как и в целом означало для бесчисленных классических анархистов, понимание того, что все «низы» – наемные работники, как в городе, так и в деревне, как в промышленности, так и в сфере услуг, работники с нестабильной занятостью, самозанятые, маргиналы, а также крестьяне – должны быть приняты во внимание при разработке широкого проекта революционной трансформации, подобного тому, который мы предлагаем.

В этом аспекте можно выделить и другие расхождения, на этот раз с некоторыми историческими течениями марксизма и даже анархизма. В этих течениях было распространено представление о капитализме как об экономическом способе производства, основанном на городской и промышленной деятельности. Нет сомнений в том, что экономика является центральной сферой в капиталистическом обществе, и что города и промышленность играют очень важную роль в капитализме. Но капитализм – это гораздо больше, чем историческая форма экономики. Как я уже упоминал, это система, которая, помимо экономики, включает в себя государство и идеи, имеющие основополагающее значение для легитимизации капиталистических социальных отношений.

Таким образом, нет сомнений в том, что городские и промышленные работники играют ключевую роль в борьбе и социальной революции. Однако утверждение о «ведущей роли рабочего класса и его особом отношении к производству во время социалистической революции» может быть интерпретировано по-разному. «Рабочий класс» может означать исключительно городской и промышленный пролетариат – конечно, мы не разделяем эту точку зрения, – но может также означать рабочий класс в широком смысле, термин, который мы иногда используем и который охватывает все вышеупомянутые субъекты.

Если верно, что социальные слои, наиболее непосредственно вовлеченные в производство, должны участвовать в любом революционном проекте, то, когда речь идет об этом вопросе в глобальной перспективе или даже когда мы думаем о нашей латиноамериканской реальности, невозможно представить себе анархический революционный проект, который не охватывал бы сельский пролетариат, крестьянство, неформальных работников и даже маргиналов.

Я считаю, что в этом месте необходимо немного подробнее остановиться на терминах, которые мы используем, потому что мы можем говорить об одном и том же или иметь большие различия.

Это подводит нас к другому вопросу, затронутому в вопросе, о аналитическом волюнтаризме. Наша позиция, как можно видеть, не является ни волюнтаристской, ни структуралистской. Мы понимаем, что структуры играют фундаментальную роль в нашем обществе, формируя важную часть социальной реальности. Но мы также понимаем, что воля, человеческое действие, играют важную роль. Как бы грубо это ни звучало, мне нравится думать о социальной реальности как о 70-80% определяемой структурно и 30-20% определяемой волюнтаристскими действиями человека.

Мне кажется, что эта позиция соответствует большинству современных социальных теорий (из области социальных наук или истории), которые стремятся прими-

ритель структуру и действие, придавая большее значение первой, чем второй, но в то же время избегая детерминистского структурализма и волюнтаризма.

XX век показал, что аргументы определенного сектора марксизма были ошибочны, а позиция значительной группы исторических анархистов была, по сути, наиболее правильной. В этот период, наблюдая за различными экономическими и социальными реалиями мира, мы поняли, что структура развитого капитализма сама по себе и автоматически не способна порождать революционных субъектов и процессы.

И даже когда мы смотрим на страны, в которых были и не были революции, мы видим, что развитие производительных сил не создало более радикальных или более потенциальных революционных условий, чем в так называемых «отсталых» странах, в которых такие революции имели место. В то же время мы замечаем, что не существует «этапности», согласно которой революции могут происходить только после высшего развития капитализма.

Однако следует отметить, что эти революции, большинство из которых привели к построению так называемого «реального социализма», даже не социализировали и не начали последовательную социализацию экономической власти, не говоря уже о политической или интеллектуальной власти. Они даже не приблизились к освобождению рабочих и не сделали ни одного шага в этом направлении. Поэтому их нельзя считать успешными революционными моделями.

Положение части класса, группы или отдельного человека в структуре общества не достаточно, чтобы сделать его более или менее революционным. Для этого необходимы действия, сознание (классовые действия, классовое сознание), которые вместе со структурными факторами приведут к появлению нового революционного субъекта, в котором мы нуждаемся. Для перехода к самоуправляемому социализму, который мы отстаиваем, недостаточно быть частью структуры, порождающей неравенство. Необходимо, чтобы эта структура воспринималась как несправедливая и чтобы люди верили в возможность перемен. Крайне важно, чтобы действия двигались в определенном направлении, для чего необходим последовательный проект. Рабочие не становятся революционными субъектами без участия в борьбе и осознания ситуации.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что я не ставлю «отношения господства над отношениями с средствами производства» на первое место. Как я уже отмечал, отношения господства, как я их понимаю, включают в себя и охватывают отношения со средствами производства (в марксистском смысле). Эксплуатация в этом смысле является одной из форм господства, как и другие, которые я упомянул (политико-бюрократическое господство, физическое принуждение и культурная отчужденность). Но стоит помнить, что когда я говорю о классовом господстве, я не ограничиваюсь экономическими средствами, но также имею в виду политические и интеллектуальные.

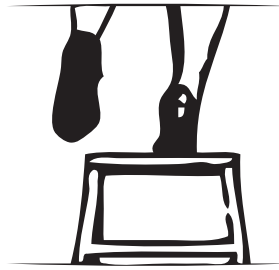
Я также должен отметить, что эта позиция не смешивает классовое господство с другими формами господства, такими как национальное господство (колониализм/империализм), этническо-расовое господство (расизм) и гендерное господство (патриархат). Господство принимает много форм; классовое господство – одна из них, безусловно, очень важная в капиталистическом обществе, и она связана со всеми

другими вышеупомянутыми формами. Такая связь позволяет объяснить капиталистическое общество в его многочисленных отношениях господства.

Кроме того, в эспецифистской стратегии нет «приоритета повышения осознанности над политической конфронтацией по вопросам производства». Наша стратегия всегда была сосредоточена на создании и укреплении народных движений на основе конкретной программы, которая, с исторической точки зрения, как я уже упоминал, очень близка к революционному синдикализму. Мы не являемся «народными учителями» и не отстаиваем приоритет пропаганды. Наш фокус – на регулярной повседневной работе, на построении профсоюзных, коммунитарных, сельских, студенческих, женских, ЛГБТ, чернокожих, коренных народов и так далее борьбы на основе нашей программы. Борьба на промышленных и городских рабочих местах включена в нашу стратегию, но она выходит за ее рамки. Не только с точки зрения бразильской экономической и социальной ситуации, но и с глобальной точки зрения.

Март 2022.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Филипе Корреа
Элементы Анархистской Теории и Стратегии: Интервью с Филиппе Корреа
Март 2022.

Испанская версия в двух частях: 1) <https://regeneracionlibertaria.org/2024/10/26/elementos-de-la-teoria-y-estrategia-anarquista-una-entrevista-con-felipe-correa-parte-1/#3c6ca3f6-6a6b-4c5d-beab-048b686f2ce6> 2) <https://regeneracionlibertaria.org/2024/>

ru.anarchistlibraries.net